

МАРКС — ЭНГЕЛЬС — ЛЕНИН О ГЕРЦЕНЕ

Статья Д. Чеснокова

1

Александр Иванович Герцен, — великий революционер, глубокий мыслитель, первоклассный художник и замечательный публицист, — оставил неизгладимый след в истории русского революционного движения. Лучший представитель поколения дворянских революционеров, он глухой ночью николаевской реакции будил народ, призывал его к борьбе. От непоследовательной идеологии дворянского революционера Герцен пришел к революционному демократизму восставшего мужика.

Следующим шагом духовного развития Герцена должен был бы явиться переход на позиции «суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбы пролетариата»¹. Революционер-демократ Герцен, порывая с неисправимым индивидуалистом-анархистом Бакуниным, уже обратил свои взоры к Коммунистическому Интернационалу, во главе которого стоял Карл Маркс. К сожалению, этот новый этап мировоззрения Герцена не получил развития. В 1870 г., незадолго до провозглашения Парижской Коммуны, Герцен скончался.

Огромная роль, которую играл Герцен в истории русской революции, должна была привлечь внимание классиков марксизма-ленинизма к своеобразной фигуре этого общественного деятеля. И гениальные современники Герцена — Маркс и Энгельс, и продолжатель их дела — Ленин, оставили многочисленные высказывания о Герцене.

Сведение этих высказываний в единое целое и обобщение их является основной задачей настоящей статьи.

С работами Герцена Маркс и Энгельс познакомились после революции 1848 г. Повидимому, впервые имя Герцена Маркс услышал от русских эмигрантов. Так, Сазонов в письме к К. Марксу от 2 мая 1850 г., перечисляя возможных сотрудников будущего трехмесячного журнала, писал: «Имеется еще Герцен, брошюру которого *«Vom andern Ufer»* вы, быть может, читали. Он скорее человек увлечения, чем убеждения и человек возбуждения больше, чем знания, впрочем, очень преданный и очень способный»². Однако, не исключена возможность того, что Маркс до получения каких бы то ни было отзывов о Герцене уже читал некоторые из его работ, например, *«С того берега»*. Несомненно одно: в начале 50-х годов Маркс и Энгельс были хорошо информированы о социально-политических взглядах Герцена, по крайней мере постольку, поскольку эти взгляды были изложены в произведениях Герцена *«С того берега»* и письмах к Лентону (*«Старый мир и Россия»*).

Примерно с 1863 г. Маркс и Энгельс начинают внимательно следить за литературной и публицистической деятельностью Герцена и отмечают каждый значительный шаг, сделанный им на поприще публицистики. Выступления Герцена на митингах, полемика Герцена с его противниками, издание *«Полярной Звезды»*, публикация *«Голосов из России»*, пропаганда *«Колокола»* находили непосредственные откли-

ки со стороны Маркса и Энгельса, отклики, чаще всего зафиксированные в их переписке.

Философские и общественно-политические взгляды Герцена к 50-м годам прошлого столетия достигли значительной зрелости. Духовное развитие Герцена, как, впрочем, развитие большинства революционеров 40-х годов, сжато воспроизвело путь, проделанный философией в Западной Европе: от философии французских просветителей к диалектическому идеализму немецких мыслителей (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) и от последнего к материализму (Фейербах)³. К середине 40-х годов Герцен прошел весь этот путь и прочно стал на материалистические позиции. Больше того, овладев революционной диалектикой Гегеля, Герцен стремился материалистически ее интерпретировать.

Герцен вплотную подошел к философии диалектического материализма («Письма об изучении природы», 1844—1845 гг.). В этой области Герцен, следовательно, поднялся на такую высоту, что в некоторых отношениях превзошел даже материализм Фейербаха.

Но Герцен, так же как и Фейербах, не сумел достроить материализм до верху, не сумел возвыситься до материалистического понимания истории. Лучше даже сказать, что Герцен, живший в условиях крепостной России, не мог этого сделать, несмотря на всю свою одаренность. Величайшие гении человечества Маркс и Энгельс, к этому моменту уже хорошо изучившие особенности капиталистического строя и выявившие всемирно-историческую роль рабочего класса, только завершали обоснование нового, материалистического взгляда на историю (работы «Святое семейство» 1843 г., «Немецкая идеология» 1844—1845 гг.). Герцен, мировоззрение которого несло на себе след исторической отсталости России, конечно, не мог сделать того, что сделал Маркс и Энгельс; он не мог преодолеть обычного просветительского взгляда на историю и остановился перед историческим материализмом.

Материалист Герцен правильно отмечал единство человека с природой. Но это единство он усматривал преимущественно в отношении познающего человека к природе, как к объекту познания. Наука выступает и в качестве средства и в качестве мерила этого отношения. Это типично просветительская точка зрения. Принятие такой точки зрения не спасает от идеализма в истории, ибо при такой постановке вопроса место материального производства занимает наука. С другой стороны, Герцен не преодолел и элементов натурализма в своих исторических взглядах. Правильно подчеркивая единство человека с природой, Герцен, остановившийся перед историческим материализмом, не мог выяснить специфичности общественно-исторических закономерностей.

В произведениях Герцена часто можно встретить сравнение истории народа с историей вида животных: как история животного царства осуществляется разными видами, так и история человечества делается разными народами.

История похожа «на тяжелый дилижанс, который тащат в гору разные клячки, одна посильнее, другая послабее, одна моложе, другая старше, но каждая тащит постромку. В числе лошадей, употребляемых на историческую гоньбу, есть добрые кони, но ни одного, который бы не имел своих пороков, ни одного, который бы в одиночку вытащил старый рыдван»⁴. Как изменчив каждый вид, так изменчива и судьба каждого народа. «Мы не верим ни призванию народов, ни их предопределению; мы думаем, что судьбы народов и государств могут по дороге меняться, как судьба всякого человека»⁵.

В природе и в истории нет проторенных маршрутов, но развитие

ГЕРЦЕН

Портрет маслом Н. Ге, 1867 г.
Третьяковская галерея, Москва

может пойти по самым разнообразным направлениям: «природа постоянно идет этими путями — развиваясь в разные стороны лучами, диагоналями, кривыми».

Каждый вид, а следовательно и каждый народ, имеет свой собственный путь движения. Общим же для всех этих путей будет восходящий, прогрессивный характер развития. Каждый вид или каждый народ вносит свою лепту в исторический прогресс. То, что вносится в историю народом, совсем не зависит от уровня его развития. Как в природе, не обязательно наиболее развитый вид превращается в наиболее сложный, так и в обществе, думает Герцен, не обязательно наиболее экономически и культурно развитый народ явится творцом нового, наиболее совершенного строя. Вполне возможно, что народ, отставший в своем развитии, может, идя своим особым путем, прийти к гармоническому общественному строю ранее более развитого народа.

Такого рода высказывания, встречающиеся у Герцена довольно часто, свидетельствуют о том, что исторические воззрения Герцена грешили самым неприкрытым натурализмом. Исторические взгляды Герцена еще раз подтверждают правильность того тезиса, что натурализм и идеализм прекрасно уживаются друг с другом у просветителей.

Переходя от философии истории Герцена к его социально-политическим взглядам, мы прежде всего должны отметить революционный демократизм Герцена.

В своих произведениях, печатавшихся в «Отечественных Записках» и «Современнике» в 40-х годах, Герцен на необычайную высоту поднимает принципы гуманизма, революционного гуманизма, воспитывающего ненависть к угнетателям. И в «Сороке-воровке» и в романе «Кто виноват?» Герцен объясняет трагедию русской женщины наличием в России уродливого крепостного строя. О бесправном положении русского крестьянина Герцен не мог говорить в печати, но его дневник дает яркие штрихи, дополняющие образ великого демократа: «Бедный, бедный русский мужик!» — не раз восклицает Герцен в своем дневнике и показывает, как самодержавный спрут всеми своими щупальцами — дворянами, попами, чиновниками и купцами — всасывался в тело русского крестьянина.

Герцен прекрасно понимал, что негодовать мало, что надо действовать. Подлинный демократ не может не быть революционером. И Герцен напряженно искал силы, на которую ему можно было бы опереться. Не вина Герцена, а беда его, что он не увидел в России 40-х годов революционного народа. Когда в 60-х годах он увидел революционный народ, он безбоязненно стал на его сторону.

Революционный демократ-просветитель, Герцен был в то же время социалистом. Правда, «социализм» Герцена «принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелко-буржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекраснодушная фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат»⁶.

Герцен уже понимал, что только социализм уничтожит эксплуатацию человека человеком, обеспечит всестороннее и гармоническое воспитание личности, подлинную эмансипацию женщины. Но, как просветитель, Герцен думал, что основным средством для перехода к социализму является развитие наук и искусств. Демократ-социалист Герцен потому-то и стал «западником», что в развитии наук, развитии социалистических теорий на Западе видел основной залог победы социализма в России. Зная Европу по книгам, Герцен до своего отъезда

за границу идеализировал ее. Он думал, что Европа — это французские просветители и французские революционеры, социалисты-утописты и корифеи немецкой классической философии. Выезжая за границу, Герцен ожидал встретить на Западе, если не реализацию идей Сен-Симона, то, по крайней мере, реализацию идей французских просветителей. Герцен не подозревал того, что царство разума, провозглашенное просветителями, было, по словам Энгельса, всего лишь «идеализованным царством буржуазии, что вечная справедливость осуществилась в виде буржуазной юстиции; что равенство свелось к равенству граждан перед законом, а самым существенным из прав человека объявлено было право буржуазной собственности»⁷.

Увидев в Европе воочию обратную сторону капиталистической цивилизации, Герцен не смог и не захотел примириться с царством буржуазной ограниченности, как до того не захотел примириться с царством самодержавно-полицейского произвола. С первых же дней жизни за границей ему бросился в глаза капиталистический (по терминологии Герцена «мещанский») характер европейской культуры. Психология банкира, купца, фабриканта была сразу понята и должным образом оценена Герценом. Растущий собственник, этот разбухающий денежный мешок, потерявший всяческий человеческий облик, был глубоко ненавистен демократу-революционеру, гуманисту Герцену. В этой ненависти иногда проскальзывает пренебрежительно-высокомерное отношение барина к богатому лавочнику, но суть дела не в этих нотках. Герцен ненавидит буржуа прежде всего как демократ-революционер, жаждущий социального переустройства общества. В своих «Письмах из Франции и Италии» (1847 г.) он с глубочайшей симпатией и восхищением живописует Париж «за цензом стоящий», Париж рабочих и мастеровых. Колочий сарказм герценовских острот, направленных против «цензового Парижа», сменяется теплым лиризмом, как только Герцен заговаривает о «блужниках». Простоту, непосредственность, жизнерадостность, гуманность и десятки других симпатичных черт с любовью отмечает Герцен в парижском пролетарии, противопоставляя его тупому, скаредному и вульгарному буржуа. В каждой строке герценовских писем чувствуется демократ, искренне сочувствующий труженикам и глубоко ненавидящий буржуа.

От пронизательного взора Герцена не укрылась прямая противоположность буржуа и «блужника», непримиримость их интересов и их взаимная борьба. С глубоким вниманием следит Герцен за этой борьбой и с необычайным оптимизмом расценивает шансы пролетариата: «Борьба началась; кто победит, не трудно предсказать; рано или поздно *per fas et nefas* победит новое начало. Таков путь истории. Вопрос тут не в праве, не в справедливости, а в силе и в современности»⁸.

Таким образом, Герцен определенно начинает склоняться к той мысли, что основной силой, способной создать социализм, является пролетариат. Однако груз буржуазных иллюзий в социализме, который еще нес в себе Герцен, мешал ему понять все значение «суровой непреклонной, непобедимой классовой борьбы пролетариата» в деле создания социалистического общества. Этот груз мешал Герцену раскрыть действительное содержание буржуазно-демократической революции 1848 г.

Маркс, характеризуя смысл февральских и июньских событий 1848 г., писал: «Февральская республика была завоевана рабочими при пассивной поддержке со стороны буржуазии. Пролетарии справедливо считали себя победителями в февральской борьбе и предъявляли высокомерные требования победителя. Надо было победить их в уличной борьбе, надо было показать им, что они осуждены на поражение,

как только они сражаются не в союзе с буржуазией, а против нее... С оружием в руках буржуазия должна была отвергнуть требования пролетариата. Настоящая колыбель буржуазной республики не февральская победа, а июньское поражение»⁹.

Раскрывая буржуазно-демократическое содержание революции 1848 г., показывая, что предпосылки для победоносного социалистического переворота еще не созрели, Маркс в то же самое время вскрыл всемирно-историческое значение событий 1848 г. для грядущей социалистической революции. «Итак, только июньское поражение создало те условия, при которых Франция может взять на себя инициативу европейской революции. Только окунувшись в кровь июньских инсургентов, трехцветное знамя превратилось в знамя европейской революции — красное знамя.

И мы восклицаем: Революция умерла! Да здравствует революция!»¹⁰.

Совершенно иначе воспринял июньские события Герцен. Первую крупную вспышку пролетарского негодования он принял за разгорающееся зарево социалистического переворота. По мнению Герцена, революция в Париже открыла новую эру в мировой истории: не эру господства буржуазной республики, а эру социализма.

Но вместо социалистического переворота, на улицах Парижа прозвучали зловещие выстрелы, провозгласившие победу контрреволюции. Ненавистный Герцену буржуа торжествовал победу, а парижский пролетариат потерпел поражение. Иллюзии Герцена о немедленном наступлении социалистического царства рассеялись в прах. Они были убиты июньскими днями, как были убиты все формы буржуазного и мелкобуржуазного социализма.

Герцен потерял точку опоры. Демократ Герцен с отвращением отвернулся от контрреволюционного либерализма, запачкавшего руки в крови рабочих. Герцен проклинает либерализм, не умея понять его классовой природы. И в то же время Герцен смутно чувствует, что сила пока на стороне этого контрреволюционного либерализма; Герцен смутно осознает, что рабочий класс еще не созрел для совершения победоносной социалистической революции. Но сделать правильные выводы из всего этого Герцен, остановившийся перед историческим материализмом, не мог. Как мы уже отмечали, Герцен в вопросах истории не сумел преодолеть идеализма и натурализма. Подходя к оценке послереволюционной Европы с позиции идеалистических и натуралистических, Герцен делает целый ряд ошибочных выводов. Вместо того, чтобы выяснить во всем объеме вопрос о том, какое влияние на судьбы рабочего класса оказало июньское поражение, вместо того, чтобы, убедившись в незрелости пролетариата, поставить вопрос: когда рабочий класс созреет для революции, Герцен решительно заявляет: европейские народы, развиваясь к социализму своим особым путем, потерпели неудачу на этом пути. Правда, Герцен к концу своей жизни снова стал считать рабочий класс силой, способной привести Европу к социализму, но в период своего духовного краха, наступившего после поражения революции 1848 г., Герцен неоднократно говорил даже о вырождении европейских народов («С того берега»).

Не трудно заметить, что все рассуждения Герцена о неудаче попыток европейских народов прийти к социализму, в конечном счете, обусловлены его натурализмом. Мы уже говорили о том, что, по мнению Герцена, каждый народ имеет свою судьбу, имеет свой собственный путь развития. Если один народ или группа народов потерпели неудачу на одном из путей, то, может быть, успех улыбнется другим народам, идущим другими путями.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO.

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ, —
лѣта 6 неслышно. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 2, Judd Street,
Brunswick Square. W. C.

№. 1.

1 Іюля 1857.

У Тейлора & Со. въ книжной лавкѣ,
69, Paternoster Row, и у Горьжескаго,
39, Rupert Street, Haymarket, London.
Price six-pence.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россия тѣлостно молчала,
Какъ изумленное дитя,
Коса листового глеста
Одна рука ей сжимала;
Но лѣтъ, который что есть смѣлъ
Ребенка молчаливо ласкала,
Она съ тупоуміемъ капризала
Не зная, что передъ нами лежало,
И мѣла его не могла
Какая есть въ родной силѣ:
Руда—то не лѣтъ глеста,
Сама съ ялтуги замерла.

Въ годину мрака и печали,
Какъ люди русскіе молчала,
Глазъ вонзавша въ пустынь
Одинъ раздался на чужбинѣ;
Звучала на востокъ не родилъ—
Не ради прихода листовъ,
Не потому, что въ бѣдѣ была
Она укрывалась бы отъ казни:
А потому, что дѣло было
Къ свободномыслию пришло
И не вѣдала окова
До человеческого слова.

Пришла съ родимы дѣлами
Должала голосъ одинокій.
Теперь вѣтъ, слышать она...
Звучать, развиваться, жить.
В оныя лѣтъ не перестала,
Бѣда—спустивъ волны смѣлы—
Нѣтъ безысходной тѣни
Голосъ бѣды не исправилъ
Я крикну на востокъ не стану,
И поправилъ смѣла—
Надвигаясь торжественно и строго,
Съ сознаниемъ долга и силъ, вѣтъ
Звучать во всѣ колокола.

Полярная Звѣзда выходитъ слишкомъ рѣдко, мы не имѣемъ средствъ издавать ее чаще. Между тѣмъ событія въ Россіи текутъ быстро, намъ надобно ловить на лету, освѣщать тотчасъ. Для этого мы предпринимаемъ новое повременное изданіе. Не опредѣляя сроковъ выхода, мы постараемся еженедѣльно издавать одинъ листъ, иногда два листа въ Колоколѣ.

О направленіи говорить нечего; оно тоже, которое въ Полярной Звѣздѣ, тоже, которое проходить неизмѣнно черезъ всю нашу жизнь. Вѣдѣ, во всемъ, всегда, быть со стороны вѣры—противъ насилія, со стороны разума—противъ предрассудковъ, со стороны науки—противъ вѣрунья, со стороны развивающихся народовъ—противъ отстающихъ правительствъ. Таковы общіе догматы вѣры.

Въ отношеніи къ Россіи, мы хотимъ страстно, со всею соразмѣрностью любви, со всею силой послѣднего въкрованія, — чтобы съ нея сняли наконецъ непослушные старые савальники. Милосердіе молчащему развитію ея. Для этого мы теперь, какъ въ 1855 году (*), считаемъ первыми необходимыми, исполняемыми шагомъ:

освобожденіе слова отъ цензуры!

освобожденіе крестьянъ отъ помѣщичковъ!

освобожденіе падшаго цѣлостнаго отъ побоевъ!

Не ограничиваясь впрочемъ этими вопросами, Колоколъ посвященный исключительно русскимъ интересамъ, будетъ звонить чѣмъ бы ни были затронуты — негнѣимъ указомъ или глумимъ гониміемъ раскольниковъ, воровствомъ законопачковъ или нечестивостію сената. Смѣшное и преступное, значительное и нечестивое, все падетъ подъ Колоколъ.

А потому обращаемся ко всемъ соотечественникамъ, дѣлающимъ нашу любовь къ Россіи и просимъ ихъ не только слушать нашъ Колоколъ, но и самимъ звонить въ него!

Появленіе новаго русскаго органа служащаго дополненіемъ къ 'Полярной Звѣздѣ' не есть дѣло случайное и зависящее отъ одного личнаго произвола, а отвѣтъ на потребности; мы должны его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомяну короткую исторію нашего типографскаго станка.

Русская Типографія, основанная въ 1853 году въ Лондонѣ, была запрошена. Открывая ее, я обратился къ нашимъ соотечественникамъ съ призывомъ, изъ котораго повторяю слѣдующія строки:

“Отчего мы молчимъ?”

Неужели намъ нечего сказать?

Нѣтъ мы молчимъ только оттого, что мы не смѣемъ говорить!

(*) Приказъ Полярной Звѣзды.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТЪ ПЕРВОГО НОМЕРА «КОЛОКОЛА»

И Герцен бросается в поиски новых народов, способных притти к социализму, и новых путей, ведущих к социализму. Здесь две страны прежде всего останавливают на себе внимание Герцена: Америка и Россия. К Америке Герцен всегда относился с глубоким сочувствием. Страна широкой индустриальной деятельности и значительных демократических свобод, могла рассчитывать на полное сочувствие Герцена. Еще в 30-х годах Герцен отмечал огромное будущее, которое ожидает американский народ. В статьях «С того берега» Герцен «умирающей» Европе противопоставляет расцветающую Америку и серьезно обсуждает вопрос о переселении за океан.

Но в то же время Герцен не мог не видеть, что и Америка заражена столь ненавистным ему «мещанством», что капитализм и там является господствующим способом производства, что государственный аппарат и в Америке приобретает все более и более черты бюрократически-милитаристической машины. Если Европа — царство, в котором уже господствует «мещанин» (капиталист), то Америка — страна, где «мещанин» быстро растет. Герцен, с ненавистью относящийся к буржуазии, переносит свои взоры с буржуазной Америки на Россию.

Дворянская Россия Николая I и его опричников была глубоко чужда Герцену. Но кроме дворянской России, была Россия крестьянская, был многомиллионный русский народ, который Герцен горячо любил и в великое будущее которого он твердо верил. Крестьянская Россия слабо была затронута процессами, протекающими на Западе; тлетворный дух «разлагающейся Европы» ее не коснулся, черт столь ненавистного для Герцена мещанства она не успела принять. Не может ли эта крестьянская Россия открыть новую эру в истории человечества? Вот мысль, которая все больше и больше начинает занимать Герцена.

Вспомним учение Герцена о том, что отсталые народы могут обогнать передовые при благоприятных условиях своего развития; вспомним разочарование Герцена в способности западных народов быстро притти к социализму; вспомним его утверждение, гласящее, что третий том всемирной истории откроет новый варварский или отсталый народ; вспомним, наконец, горячую любовь Герцена к своему народу и его непоколебимую веру в великое будущее русского народа, и мы поймем, почему Герцен с новой надеждой устремляет свои взоры на Восток.

В тяжелые годы, наступившие после поражения революции 1848 г., рассеялись мелкобуржуазные иллюзии Герцена в социализме. Претерпели коренное изменение его взгляды на силу и значение Запада; все глубже и глубже безнадежный пессимизм охватывал Герцена. Остановившись перед историческим материализмом (следовательно перед научным коммунизмом), Герцен не видел выхода из своего «духовного краха». Только «вера в Россию», как не раз впоследствии вспоминал он, спасла его. «Европа, умирая, завещает миру грядущему, как плод своих усилий, как вершину развития, социализм. Славяне *an sich* имеют во всей дикости социальные элементы»¹¹.

Сочетание этого социального элемента с духовным завещанием Европы (теорией социализма) и дает базу для развития нового общества. Новый народ получает по завещанию наследство Европы и, используя свою естественную склонность к социализму, быстро приходит к последнему. «Если Европе не удастся подняться путем общественного преобразования, то преобразуются другие страны», — пишет Герцен¹². Из этих других стран наиболее подходящей является Россия. Так как каждый народ имеет свою особую судьбу, свою закономерность движения, то и Россия пойдет к социализму своим особым путем. Россия совсем не обязана повторять фазы европейского развития. Она начи-

нает с того, к чему подошла Европа, — с социализма. Россия может миновать капиталистический путь развития, может избежать пролетаризации крестьянства. Социализм в России будет создавать не безземельный пролетарий, а владеющий землею мужик. «Человек будущего в России — мужик, точно так же как во Франции работник»¹³.

Как же мужик может создать социализм, какие элементы крестьянской России создают благоприятные предпосылки для строительства социализма? Отвечая на этот вопрос, Герцен прежде всего указывает на общину. Крестьянская община, коллективное право на землю в сочетании с социалистическими идеями, сложившимися в Европе, послужит отправным пунктом для развития нового социалистического общества. Уместно заметить, что Герцен стал приписывать такую роль общине только после поражения революции 1848 г. О самом существовании общины Герцен знал очень давно. В своих спорах со славянофилами Герцен не раз упоминал об общине. В его дневнике за 1843 и 1844 гг. мы находим такие места: «Барон Гакстгаузен и Козегартен, путешественники из Пруссии, занимающиеся исследованиями славянских племен и в особенности бытом и состоянием крестьян в Европе. Я имел случай говорить с Гак[стгаузеном]; меня удивил ясный взгляд на быт наших мужиков, на помещичью власть, земскую полицию и управление вообще. Он находит важным элементом сохранившуюся из глубокой древности общинность, ее-то надобно развивать сообразно требованиям времени»¹⁴.

Как видим, Герцен сочувственно цитирует Гакстгаузена, но при этом Герцен далек от того, чтобы в общине видеть основу социализма. Герцен знал, что все народы в древности имели общинные землепользования и поэтому Герцен совершенно правильно в своем дневнике от 12 января 1844 г. замечает, что расцвет общины относится к эпохе величайшей неразвитости. Герцен критикует славянофилов за то, что последние восхваляли различные архаические элементы, изжитые другими народами, но сохранившиеся в России. 24 января 1844 г. Герцен заносит в свой дневник: «Главная ошибка их [т. е. славянофилов. — Д. Ч.], что веря (и не без основания) в огромное будущее славян, как того именно племени, которое имеет призвание своей непосредственностью соответствовать высшему, логическо-историческому вопросу, выработанному Европой, они хотят и в самом младенчестве его видеть что-то высшее европейского развития, как будто возможность будущего значит превосходство и над действительностью, развитием, и осуществившею свое призвание»¹⁵.

«Славяне в будущем, вероятно, призваны ко многому, но что же они сделали в прошедшем со своим стоячим православием и чуждостью от всего человечества?»¹⁶

Итак, Герцен знал о существовании общины в начале 40-х годов, признавал ее огромную роль в развитии славянских племен, но прежде всего подчеркивал необходимость приобщения славян к европейской культуре для того, чтобы они могли прийти к социализму. Герцен временами колебался, отказываясь прямо ответить на вопрос: славяне омоложат Европу или же Европа приобщит славян «к поюневшей жизни своей». Чаще всего Герцен склонен был думать, что именно «Европа приобщит нас к поюневшей жизни своей».

В начале 50-х годов Герцен, не отрицая значения западной культуры в деле создания социализма, якорем спасения для России начинает считать общину. Исключительность русского развития уже не беда России, а ее счастье. Благодаря сохранению общины, Россия, по мнению Герцена, в короткий срок может пробежать расстояние, отделяющее ее от социализма.

«Артель лучшее доказательство того естественного, безотчетного сочувствия славян с социализмом, о котором мы столько раз говорили»¹⁷. Артель — этот зародыш социализма, можно и нужно развить. И тогда Россия сразу окажется социалистической страной. «Я не говорю, что это необходимо, но это возможно. Ничего нет необходимо-нужного. Будущность не бывает неизменно решена вперед»¹⁸.

Поскольку община представляет исключительно благоприятные возможности для быстрого перехода к социализму, неиспользование этих возможностей было бы не только глупостью, но и преступлением.

Таковы конкретные выводы о судьбах Европы и России, сделанные Герценом в период своего духовного краха и развитые им в пятидесятых годах прежде всего в двух работах: «С того берега» и «Старый мир и Россия».

С этими выводами Герцена были хорошо знакомы Маркс и Энгельс. Как же они относились к этим выводам? Несомненно, — резко отрицательно. Творцы материалистического понимания истории всегда боролись с идеалистическим и натуралистическим пониманием истории. Историческая концепция Герцена, своеобразно сочетавшая идеализм с натурализмом, решительно отвергалась и высмеивалась основоположниками марксизма.

Так, например, Ф. Энгельс в письме к И. Вейдемейеру от 12 апреля 1853 г. писал: «Дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна. Г-н Герцен весьма облегчил себе задачу, ... гарантировав себя от неудач тем, что по-гегелевски сконструировал демократически-социальную, коммунистически-прудонистскую русскую республику под главенством триумvirата Бакунин — Герцен — Головин»¹⁹.

Подчеркивая идеалистичность такого рода конструкций, основоположники марксизма одновременно решительно критиковали натуралистический характер исторической концепции Герцена. Маркс в письме к Энгельсу от 13 февраля 1855 г. заявлял: «Я с Герценом не хочу никогда и нигде фигурировать вместе, так как не держусь того мнения, будто «old Europe» может быть обновлена русской кровью»²⁰.

Этих высказываний достаточно для того, чтобы выяснить основное направление, по которому критиковали Маркс и Энгельс Герцена. Как видим, основоположники марксизма прежде всего показывали несостоятельность идеалистических и натуралистических моментов, столь щедро представленных в исторической концепции Герцена.

Столь же решительно выступили Маркс и Энгельс против теории «русского» социализма, созданной Герценом. Теоретические счеты со всеми формами буржуазного и мелкобуржуазного социализма они закончили еще в «Манифесте Коммунистической партии», написанном накануне революции 1848 г. «Русский» социализм Герцена, созданный после революции 1848 г., был так же архаичен и несостоятелен, как и все прежние формы домарковского социализма.

Если Маркс и Энгельс сравнительно много внимания уделяли критике теории «русского» социализма, то это объяснялось не столько новизной и оригинальностью доводов, выставленных Герценом в ее защиту, сколько сознанием того, что в такой крестьянской стране, как Россия, еще возможно широкое распространение мелкобуржуазных форм социализма.

Как известно, эти предположения Маркса и Энгельса оправдались. Именно поэтому и после смерти Герцена Энгельс считал нужным продолжать свою борьбу с его народнической теорией (см. например, статью Энгельса: «Социальные отношения в России»).

Однако теорию «русского» социализма Маркс и Энгельс находили опасной и вредной не только потому, что она могла поставить на ложный путь многих русских революционеров, но и потому, что она была на руку панславистам.

Известно, что в XIX столетии русский царизм с усиленным рвением выполнял свои функции жандарма Европы. Самодержавие не только превратило Российскую империю в тюрьму народов, но и помогало

ГЕРЦЕН

Бюст работы Я. Траупянского, 1900 г.

Институт литературы, Ленинград

реакционным правительствам Пруссии и Австрии подавлять революционные движения в этих странах. (Например, с помощью русских войск, посланных Николаем I, австрийскому правительству удалось подавить революцию в Венгрии в 1848 г.)

В этих условиях всякое укрепление самодержавия означало усиление реакционных сил тогдашней Европы. Идеалы панславистов, рассчитанные на создание единого славянского государства под эгидой «самодержца всероссийского» являлись реакционными, так как вели к еще большему укреплению самодержавия. Не случайно поэтому царское правительство оказывало всемерную помощь панславистской агитации в странах юго-восточной и центральной Европы.

Как Герцен относился к панславизму? Герцен резко отмежевывался от представителей полицейского и полу-полицейского панславистских направлений. Начиная с своих ранних выступлений против «славянобеснующихся» — этой «гадкой котерии, стоящей за правительством и церковью» — и кончая «Письмами к противнику», Герцен решительно заявлял о своем несогласии с панславистами. Так же решительно Герцен отмежевывался от теории «избранных народов».

И все же Герцен своей теорией «русского социализма, своим учением об особой предрасположенности славян к социализму, своими утверждениями о старческом одряхлении Европы невольно содействовал распространению предрассудков панславизма. Вот почему Маркс и Энгельс, последовательно разоблачавшие реакционный характер панславизма, должны были резко выступить и против Герцена.

Пожалуй, наиболее резкое из печатных выступлений основоположников марксизма против Герцена содержится в примечании Маркса к первому изданию первого тома «Капитала» (глава о первоначальном накоплении). Это примечание гласит: «Если на европейском континенте влияние капиталистического производства, которое подрывает род людской..., будет развиваться, как это было до сих пор, рука об руку с конкуренцией в отношении величины национальных армий, государственных долгов, налогов, элегантных приемов военных действий и т. д., — то пожалуй, в конце концов станет действительно неизбежным омоложение Европы при помощи кнута и обязательного вливания калмыцкой крови, о чем столь серьезно пророчествует полуроссиянин, но зато полный москвит Герцен (заметим, между прочим, что этот беллетрист сделал свои открытия относительно «русского» коммунизма не в России, а в сочинении прусского регирунгсрата Гакстгаузена»²¹.

В письме в редакцию «Отечественных Записок» Маркс писал о том, что в руках Герцена «русская община служит лишь аргументом для доказательства того, что старая, гнилая Европа должна быть возрождена победой панславизма»²².

И в примечании к «Капиталу» и в письме в редакцию «Отечественных Записок» Маркс подчеркивает связь теории «русского» социализма с панславизмом и прежде всего поэтому критикует теорию «русского» социализма Герцена. До 80-х годов прошлого века этот пункт был центральным объектом критики со стороны Маркса и Энгельса. К 80-м годам положение несколько изменилось: теория, созданная Герценом, была подхвачена народниками и получила широкое распространение. Марксистам, боровшимся за создание марксистской теории в России, пришлось выдержать упорную борьбу с народниками: «Только разбив идейно взгляды народников, можно было расчистить почву для создания марксистской рабочей партии в России»²³.

В борьбе с народниками русским марксистам большую помощь оказал Энгельс. Критикуя русских народников, Энгельс, естественно, должен был остановиться на критике родоначальника народничества — Герцена. Здесь Энгельс должен был основной упор сделать на разоблачении мнимой социалистичности теории «русского коммунизма». В связи с этим Энгельс во всем объеме ставит вопрос об общине: «Общинная собственность русских крестьян была открыта в 1845 г. прусским правительственным советником Гакстгаузенем, и он раструблил о ней на весь мир, как о чем-то совершенно изумительном, хотя в своем вестфальском отечестве Гакстгаузен мог бы еще найти не мало ее остатков, а в качестве правительственного чиновника он даже обязан был знать о них в точности. Герцен, сам русский помещик, узнал впервые от Гакстгаузена, что его крестьяне владели землей сообща, и воспользовался этим для того, чтобы изобразить русских крестьян

истинными носителями социализма, прирожденными коммунистами в противоположность рабочим стареющей, загнивающей Западной Европы, которым приходится лишь искусственно выжимать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина — к г. Ткачеву»²⁴.

Концепцию Герцена Энгельс решительно отверг: «русская община просуществовала сотни лет, и внутри нее ни разу не возникало стремления выработать из самой себя высшую форму общественной собственности; точно так же, как ничего подобного не происходило ни в германской марке, ни в кельтском клане, ни в индийских и иных общинах с первобытно-коммунистическими порядками»²⁵.

Община, сохранившаяся в России, только тогда может послужить отправным пунктом для коммунистического преобразования, если подобную инициативу проявит революционный рабочий класс.

«Победа западно-европейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства производством, которым управляет общество, — вот необходимое предварительное условие для подъема русской общины на такую же ступень развития»²⁶.

В этой связи Энгельс подробно развивает вопрос о возможности сокращенного пути развития для стран, находящихся на докапиталистической ступени развития, выставляя в качестве обязательного предварительного условия победу социализма в развитой в промышленном отношении стране. Эти доводы Энгельса нанесли сокрушительный удар народническим утверждениям о возможности миновать капиталистическую стадию развития без помощи со стороны рабочего класса.

Таким образом, мы видим, что борьба Маркса и Энгельса с Герценом своим основным объектом имела теорию «русского» социализма Герцена. Основоположники марксизма считали своим долгом со всей решительностью выступить против родоначальников этой несостоятельной и вредной теории.

Отрицательное отношение Маркса и Энгельса к общесоциологическим взглядам Герцена и особенно к его теории русского социализма заставляло их недоверчиво относиться к «революционной честности» Герцена. Личные связи Герцена — мы имеем в виду дружбу Герцена с Фогтом и Бакуниным — отнюдь не способствовали устранению этой недоверчивости.

Известно, что Фогт в своей общественно-политической деятельности выставлял программу, полностью совпадающую с программой бонапартистов. С другой стороны Фогт был одним из тех «разносчиков дешевого материализма», к которым с таким презрением относились Маркс и Энгельс. Все это должно было привести к резким выступлениям Маркса и Энгельса против Фогта («Господин Фогт»).

Герцен не разделял философских воззрений Фогта. Он не был детально знаком с его общественно-политической деятельностью; он настолько плохо знал эту деятельность, что считал несправедливым упреки в бонапартизме, адресованные Фогту. Герцен, вообще, смотрел на Фогта, как на ученого, но не как на общественного деятеля. Уже по одному этому он был склонен проходить мимо философских и общественно-политических взглядов Фогта. Но Герцена связывали с Фогтом даже не общие научные интересы, а исключительно личные отношения. В период тяжелых личных переживаний Герцена, вызванных его семейной драмой, Фогт проявил отеческую заботу о Герцене и оказал ему моральную поддержку. Фогту поручил Герцен воспитание своего единственного сына. Признательность Герцена Фогту была исключительно велика. Маркс и Энгельс, конечно, не могли знать все подробности этих взаимоотношений, поэтому к дружбе Герцена с Фогтом они дол-

жны были относиться настороженно, имея основания подозревать Герцена в сочувствии взглядам Фогта.

С другой стороны, личное общение Герцена с Фогтом содействовало появлению у Герцена ложного представления о Марксе. Некоторые заявления Герцена, направленные им против Маркса, были позаимствованы у клеветника Фогта (например, глава «Немцы в эмиграции» в «Былом и думах»²⁷). Таким образом, дружба Герцена с Фогтом должна была усилить и усилила отчужденность между Марксом и Герценом. Примерно такую же роль сыграла дружба Герцена с Бакуниным. Мелкобуржуазный индивидуалист-анархист Бакунин являлся притягательным центром для антимарксистских элементов. Общеизвестно, какую реакционную роль сыграл Бакунин и бакунисты в истории I Интернационала. Бакунистов Маркс и Энгельс считали злейшими врагами марксизма. Герцена же они рассматривали как учителя и друга Бакунина. В «конфиденциальном сообщении» о событиях, происходивших внутри Интернационала, Маркс, между прочим, заявляет, что Бакунин после смерти Герцена отрекся «от своего старого учителя и друга»²⁸.

Это позволяет думать, что Маркс и Энгельс не знали о разногласиях между Бакуниным и Герценом, в частности, не знали о разрыве между ними («Письма к старому товарищу», 1869 г.). Маркс и Энгельс не знали также, что, порывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры к Интернационалу, созданному и руководимому Марксом. Поэтому Маркс и Энгельс очень часто ставили Герцена рядом с Бакуниным (см., например, письмо Энгельса Бекеру от 14 июня 1872 г.)²⁹.

К этому следует добавить, что полемика между Герценом и Марксом на страницах «Morning Advertiser», вызванная необоснованными нападками Герцена, еще более способствовала отчуждению между ними.

Разумеется, не дружба Герцена с Фогтом и Бакуниным, не полемика его с Марксом играли решающую роль во взаимоотношениях Герцена с основоположниками марксизма. Все эти моменты только усиливали их критическое отношение к Герцену. Центральным же пунктом являлась резко отрицательная оценка Марксом и Энгельсом теории «русского» социализма, созданной Герценом. Поэтому глубоко ошибался Г. В. Плеханов, который пытался объяснить расхождения между Марксом и Герценом недоразумением. Как мы видели, эти расхождения имели под собой принципиальную почву.

Но при всем своем отрицательном отношении к герценовской теории социализма, Маркс и Энгельс отдавали должное Герцену, как демократу и революционеру. В Герцене они видели борца с крепостным правом. За всеми герценовскими изданиями, в которых пропагандировалась идея освобождения крестьян, Маркс и Энгельс тщательно следили. Значение борьбы с крепостным правом они подчеркивали неоднократно. Так, например, Маркс в письме к Энгельсу от 29 апреля 1858 г. писал: «Движение в пользу освобождения крепостных в России кажется мне важным потому, что оно знаменует собою начало в стране внутренней истории, которая может встать поперек дороги ее традиционной внешней политике. Герцен, разумеется, еще раз сделал «открытие», что свобода переселилась из Парижа в Москву»³⁰. Несмотря на полемический выпад против Герцена, Маркс со всей силой подчеркивает значение движения в пользу освобождения крепостных и тем самым признает важность общественно-политической деятельности Герцена, который стоял во главе этого движения. Издания Герцена — «Голоса из России», «Колокол» Маркс и Энгельс рассматривали, как самые объективные источники, дающие информацию о том, что происходит в России. Энгельс в письме к Марксу от 21 октября 1858 г. настоятельно просит прислать ему герценовские издания: «Русская ис-

тория идет очень хорошо. Теперь у них и на юге беспорядки... Не можешь ли достать мне у Тхоржевского или кого-нибудь, кто состоит теперь агентом Герцена, некоторые из его последних изданий? У них кое-что должно быть, например, его «Голоса из России» или «Колокол». Там, может быть, можно найти материал — вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д.»³¹.

Показательно, что у Маркса и Энгельса нет критики этих герценовских изданий. Борясь с теорией «русского» социализма, Маркс враждебно отнесся к попытке Герцена заняться издательской деятельностью (см. насмешливое замечание Маркса о намерении Герцена издавать «Полярную Звезду»³²). Тем не менее, ни одного отрицательного отзыва о «Полярной Звезде» или «Колоколе» мы у Маркса и Энгельса не находим.

Следует помнить, что внимательно следя за общественно-политической деятельностью Герцена, Маркс и Энгельс сразу реагировали на его ошибочные шаги. Было бы, конечно, натяжкой утверждать, что отсутствие в высказываниях Маркса и Энгельса критики данных изданий можно рассматривать как молчаливое одобрение ими предприятий Герцена. Однако обходить этот факт молчанием, пренебрегать им тоже нельзя.

Можно привести другой пример, подтверждающий признание Марксом и Энгельсом «революционной честности» Герцена. Когда в 1863 г. произошло восстание в Польше, все панслависты и либералы заняли шовинистическую позицию поддержки царского правительства.

Маркс и Энгельс начали пристально следить за тем, какую позицию займет Герцен. В письме к Энгельсу от 13 февраля 1863 г. Маркс писал: «Что ты скажешь по поводу польской истории? Ясно одно:

ПОЛЯРНАЯ ЗВЪЗДА

НА

1855

ТРЕТНОЕ ОБОЗРѢНІЕ ОСВОБОЖДАЮЩЕЙСЯ РУСИ

ИЗДАВАЕМОЕ

ИСКАНДЕРОМЪ

КНИЖКА ПЕРВАЯ

“... Да здравствуетъ разумъ!...”

А. ПУШКИНЪ.

ЛОНДОНЪ

ВОЛЬНАЯ РУССКАЯ КНИГОПЕЧАТНІЯ
32 LUDLO STREET, BRUNSWICK SQUARE.

1855

ОБЛОЖКА ПЕРВОЙ КНИЖКИ «ПОЛЯРНОЙ
ЗВЕЗДЫ»

в Европе опять более или менее широко открылась эра революций. И общее положение дел хорошее... «Герценовские» солдаты действуют как обычно. Но отсюда еще нельзя сделать выводов ни о массах в России, ни даже о главной массе русской армии. Мы знаем, что проделывали «интеллигентные штыки» французов и даже наши собственные рейнские бродяги в 1848 г. в Берлине. Но ты должен теперь внимательно следить за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К^о представляется случай доказать свою революционную честность, хотя бы в той мере, в какой она совместима со славянскими симпатиями»³³.

Известно, что Герцен в период событий 1863 г. блестяще доказал свою революционную честность. «Колокол» занял революционно-демократическую линию поведения в польском вопросе. Польские революционеры сами не раз отмечали, что поведение Герцена в польском вопросе было безупречным. Вполне естественно поэтому, что в переписке Маркса и Энгельса, посвященной польскому вопросу, мы не находим ни одного упрека, адресованного Герцену.

Приведенные нами примеры говорят о том, что Маркс и Энгельс при всем своем критическом отношении к Герцену видели в нем демократа и революционера. Поэтому не случайно во втором издании первого тома «Капитала» Маркс устранил полемический выпад против Герцена. Маркс сделал это тем более охотно, что убедился в том, что большинство русских революционеров 60-х годов признавали исключительность русского исторического развития и, тем не менее, являлись революционерами и демократами. Герцен, следовательно, не составлял исключения, и к нему нельзя было предъявлять требования более строгие, чем к остальным русским революционерам.

Анализ отношений Маркса и Энгельса к Герцену показывает, что они впервые познакомились со взглядами Герцена в период его «духовного краха», когда, растерявшись после поражения революции 1848 г., Герцен пытался опереться на свою теорию «русского» социализма. Эта теория и явилась основным объектом критики со стороны Маркса и Энгельса. Только в отдельных случаях говорится о публицистической и общественной деятельности Герцена, направленной на поддержку польских революционеров или содействующей расширению борьбы за освобождение крестьян. Но в таких случаях Маркс и Энгельс положительно относились к деятельности Герцена. В частности, Маркс и Энгельс положительно оценивали деятельность «Вольной Русской Типографии в Лондоне».

Высказывания Маркса и Энгельса не содержат всесторонней характеристики мировоззрения Герцена и определения его места в истории русской революции. Анализ всех особенностей мировоззрения Герцена и оценка его исторического значения даны в работах В. И. Ленина.

2

Помимо отдельных гениальных замечаний о Герцене, имеющих глубоко принципиальное значение, у Ленина имеется специальная статья «Памяти Герцена», написанная к 100-летию со дня его рождения. Эта блестящая статья величайшего гения социалистической революции словно могучим прожектором осветила все извилистые закоулки сложного герценовского мировоззрения.

С исключительной ясностью и непревзойденной глубиной Ленин охарактеризовал особенности и противоречия философских взглядов Герцена, раскрыл подлинное содержание его «духовной драмы».

Значение Герцена в освободительном движении Ленин устанавливает с помощью классического анализа этапов революционной борьбы

русского народа. Революционно-освободительная борьба в России XIX в. прошла несколько этапов: 1825—1861 г. (период дворянский); 1861—1895 г. (период «разночинский» или буржуазно-демократический); наконец, период пролетарский — с 1895 г.³⁴

Смена одной эпохи другой сопровождалась резким изменением классового состава участников движения. Эпоха крепостная — полное преобладание дворянства. «Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная... — дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но если прибавить к ним духовенство и купечество, то получаем 49%, т. е. почти половину. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек»³⁵.

Подчеркивая огромное значение последнего из перечисленных этапов революционного движения, Ленин одновременно отмечает крупную роль, которую сыграли в подготовке этого этапа деятели предшествующих эпох. «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закаляли революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря — это движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»³⁶.

В этих строках Ленин предельно четко определяет место Герцена в истории русского революционного движения. Герцен — деятель, выступивший на грани двух эпох: эпохи преобладания дворян в революционном движении и эпохи движения разночинцев. Герцен — единственный представитель дворянского периода в освободительном движении, который сумел преодолеть ограниченность дворянского революционера и подняться до демократизма восставшего мужика. Революционная агитация Герцена, подхваченная революционерами 60-х годов, дала богатую жатву: мощное народное движение в предреволюционные (1901—1903) и революционные (1905—1908) годы. Деятельность Герцена — яркий пример того, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы»³⁷.

Правда, в своей революционной пропаганде Герцен не всегда был последователен. Некоторые черты дворянского революционера сохраняются у него до конца жизни. Кроме того, Герцен покинул Россию в период жесточайшей реакции. «Он не видел революционного народа и не мог верить в него. Отсюда его либеральная апелляция к «верхам»³⁸.

Начиная агитацию за освобождение крестьян, Герцен «первое слово» обращает к дворянам. В статье «Юрьев день! Юрьев день!», адресованной русскому дворянству, Герцен говорил:

«Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам. В вашей среде развились потребность независимости, стремление к свободе и вся умственная деятельность последнего века. Меж-

ду вами находится то самоотверженное меньшинство, которым искупает Россия свои грехи в глазах других народов и в собственных своих. Из ваших рядов вышли Муравьев и Пестель, Рылеев и Бестужев. Из ваших рядов вышли Пушкин и Лермонтов. Наконец, и мы, оставившие родину для того, чтобы хоть вчуже раздавалась свободная русская речь, вышли из ваших рядов. К вам первым мы и обращаемся!»³⁹

С такого рода обращениями мы встречаемся у Герцена неоднократно.

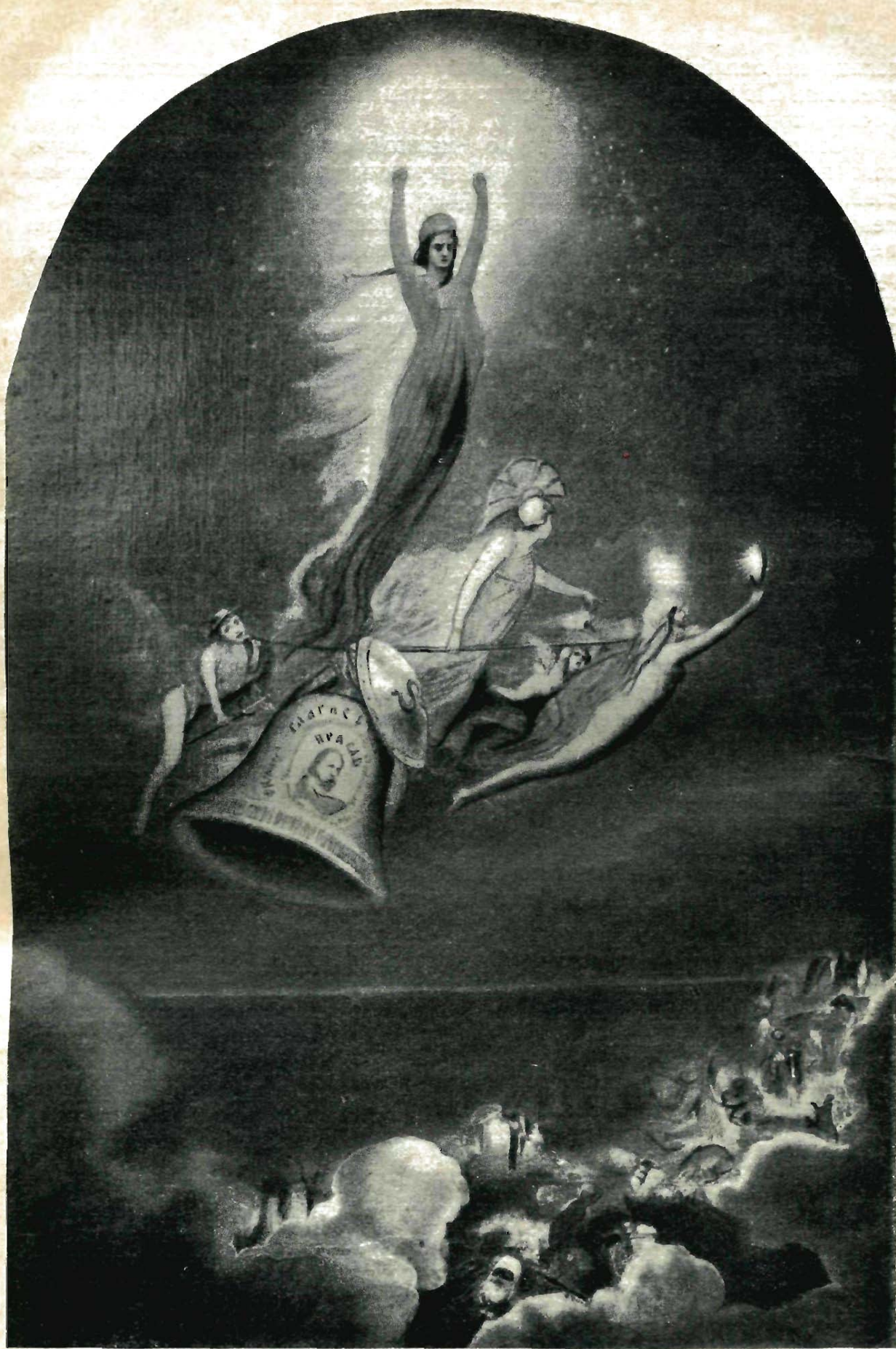
Герцен пишет открытые письма императрице, в которых дает ей советы, как лучше воспитать наследника. После вступления на престол Александра II, Герцен свои призывы обращает к нему. В целом ряде статей, опубликованных в «Колоколе», Герцен отстаивал преимущества постепенного преобразования общества. Даже в своих знаменитых «Письмах к старому товарищу», в которых Герцен круто поворачивает к коммунизму, он повторяет старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину»⁴⁰. Но, несмотря на все отступления Герцена от демократизма к либерализму, несмотря на известные колебания между либерализмом и демократизмом, «демократ все же брал в нем верх»⁴¹.

В той самой статье, которую Герцен начал своим обращением к дворянству («Юрьев день!»), он прямо угрожает дворянам обратиться через их голову к крестьянству. Герцен угрожает призвать крестьян к революции, если дворяне добровольно не освободят крестьян. Он угрожает растолковать крестьянам слабость дворянства, указать им средства, о которых они не догадываются, сказать им: «Ну, братцы, к топорам теперь! Не век вам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Нутка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погреются в последний раз»⁴².

Герцен пугает дворянство призраком пугачевщины. «Страшна и пугачевщина, но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно недорого куплено»⁴³. Когда Герцен убедился в том, что ни его просьбы, ни его угрозы не подействовали на дворян, он через голову царя и его сатрапов обратил свои призывы к крестьянству. Герцен горячо оправдывал поступки крестьян, взявшихся за топор. Герцен призывал крестьян к революции. Откликаясь на события в селе Бездна, он с пламенным призывом обращается к крестьянству: «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской!... как я научил бы тебя презирать твоих духовных пастырей, поставленных над тобой петербургским синодом и немецким царем... Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и архиерея... не верь им! Царь с ними, и они его. Его ты видишь теперь — ты, отец убитого юноши в Бездне, ты, сын убитого отца в Пензе»...⁴⁴.

Так называемое «освобождение» крестьян не обмануло Герцена. Правда, в первые дни после февральского манифеста, Герцен, увлеченный своей идеей о социалистичности общинного землепользования, довольный, что крестьян освободили с землей, не разглядел всего грабительского характера реформы. Но первые же уроки проведения реформы показали Герцену ее истинный смысл.

Откликаясь на крестьянские волнения, которыми «облагодетельствованные» крестьяне встретили свое «освобождение», Герцен писал: «Крестьяне не поняли, что освобождение — обман, они поверили слову царскому; царь велел убивать их, как собак; дела кровавые, гнусные совершились»⁴⁵. Отсюда понятно, почему Герцен после реформы не

АПОФЕОЗ «КОЛОКОЛА» И «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Картина маслом А. Боголюбова, 1860 г.

«Говорят, что картина превосходная. Русские художники хотят поднести ее мне. Средняя фигура очень грациозна. Внизу Александр II, генералы в масках, попы и народ, слушающий звон». (Из письма Герцена к сыну Александру от 13 февраля 1860 г.)

Всесоюзная библиотека им. Ленина, Москва

только не ослабил, но усилил борьбу за действительное освобождение крестьян. Но теперь Герцен исключительно обращается к крестьянству. Герцен поднимал знамя революции.

Совершая крутой поворот от мнимой «надклассовости» буржуазного просветительства к классовой позиции революционного крестьянства, Герцен разворачивает непримиримую борьбу с либерализмом. Герценовский «Колокол» одним из первых ставит вопрос «о различии и интересах либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской буржуазной революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу как основу «теорий» и учений, а не на оборот»⁴⁵.

Ставя этот вопрос, Герцен, в конце концов, решал его, как демократ. Не случаен тот факт, что Герцен, к концу своего жизненного пути, окончательно порывает с либералами Аксаковым, Самариным, Кавелиным. В статье «Аксаков в гостях у Каткова» Герцен показывает родство либерала с приспешником жандармского управления, Герцену становится совершенно ясным, что любой либерал становится в конечном счете подголоском реакции. И Герцен со всей силой своего сарказма обрушивается на людей — «траву», на людей — «слизняков», обрушивается на всех представителей либерального хамства. Окончательно порывая с либералами-славянофилами и либералами-западниками, отрекаясь от неисправимого анархиста Бакунина, Герцен, с одной стороны, дает восторженные оценки представителям революционной крестьянской демократии: Н. А. Серно-Соловьевичу, Добролюбову, Чернышевскому⁴⁵, а с другой стороны, устремляет свой взор на Интернационал, созданный великим Марксом.

Выясняя огромную роль, сыгранную Герценом в истории революционного движения, Ленин особенно подчеркивал значение Герцена в истории бесцензурной революционной печати. В статье «Из прошлого рабочей печати в России» Ленин писал: «Самыми выдающимися деятелями дворянского периода были декабристы и Герцен. В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда обще-демократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее. Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»⁴⁸.

«Колокол» Герцена не только содействовал пробуждению разночинной интеллигенции. Он сыграл гигантскую роль в борьбе за освобождение крестьян. «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»⁴⁹. Как мы уже отмечали, эта борьба за освобождение крестьян не прекратилась и после реформы 1861 г.

Наконец, огромную роль сыграла «Вольная Русская Типография» в борьбе с самодержавием. «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с вольным русским словом»⁵⁰. Таковы огромные заслуги великого демократа Герцена перед русской революцией, отмеченные Лениным.

Рассмотрим теперь ленинскую оценку философских взглядов Герцена. Ленин говорит: «В крепостной России 40-х годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы» — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»⁵¹.

Приведем примеры, поясняющие и подтверждающие ленинскую оценку. В 1842—1843 гг. Герцен пишет свои статьи «О дилетантизме в науке», в которых показывает себя крупным мастером диалектики.

Герцен рассуждает следующим образом: жизнь всегда сочетает в себе борющиеся противоположности; их борьба — живое биение пульса вселенной; противоречие — источник и основа движения и развития.

Эти противоречия жизни отчетливо выступают не только в истории природы, но и в истории человечества: «В каждой стране, в каждой эпохе, в каждой области борьба монополии и масс выражается иначе, но цехи и касты беспрерывно образуются, массы беспрерывно их подрывают и, что всего страннее, масса, судившая вчера цех, сегодня сама оказывается цехом, и завтра масса степенью общее поглощает и побьет ее в свою очередь. Эта полярность — одно из явлений жизненного развития человечества, явление в роде пульса, с той разницей, что с каждым биением пульса человечество делает шаг вперед»⁵².

Источником движения, источником развития является противоречие. Сложность и противоречивость действительности все время подчеркивается Герценом. Неправильные или устаревшие концепции он рассматривает как ограниченные выражения отдельных сторон сложной действительности. Поэтому Герцен критикует эти направления и указывает на те стороны, которые отброшены данными теориями. С этой точки зрения критикует Герцен «классиков» и «романтиков», «формалистов» и «буддистов». Эта критика показывает нам мыслителя, прекрасно овладевшего гегелевской диалектикой.

Но особенно глубокие выводы делает Герцен в теории познания. Процесс познания, с точки зрения Герцена, есть сложный, исторически развивающийся, противоречивый процесс, находящий свое завершение в практике. В ходе познания нет ничего абсолютного и неизменного. «В развитии науке не на что опереться... одно спасение в быстром, стремительном беге». Люди, цепляющиеся за односторонние определения, принимаемые за полные определения предмета, могут быть уподоблены путнику, принявшему промежуточную станцию за конечный пункт. Если условно говорить о конечном пункте познания, то таковым является деятельность человека. «Всякое положение отрицается в пользу высшего и... только в преемственной последовательности этих положений, борений и снятий проторгается живая истина»⁵³.

Только анализ этапов развития дает нам понимание того или иного результата. Наука есть итог, сумма, вывод из истории человеческого познания. Теория и история совпадают. «Наука — живой организм, которым развивается истина. Истинная метода одна: это собственно процесс ее органической пластики; форма, система predeterminedены в самой сущности ее понятия и развиваются по мере стечения условий и возможностей осуществления их»⁵⁴. Наука, метод и теория познания совпадают. Герцен в данном случае метко схватил суть ди-

алектики: «диалектика и есть теория познания Гегеля и марксизма», — говорит Ленин. В той мере, в какой эта характеристика Ленина относится к Гегелю, она относится и к Герцену (мы говорим о статьях «Дилетантизм в науке», в которых Герцен еще оставался идеалистом). Разумеется, это не значит, что мы можем отождествить точку зрения Гегеля — Герцена с марксизмом. Но нас в данном случае интересует диалектическая постановка вопроса о Герцене. В статьях о дилетантизме Герцен умело пользуется острым оружием революционной диалектики.

В «Письмах об изучении природы» Герцен идет уже далее Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Несмотря на некоторую непоследовательность, Герцен уже материалистически разрешает основной вопрос философии — вопрос об отношении мышления к бытию. Он прямо говорит, что «история мышления — продолжение истории природы», что природа и общество — две фазы единого процесса развития, две главы одного романа.

Материалистически разрешая основной вопрос философии, Герцен пытался синтезировать материализм с диалектикой. Материальный мир Герцен рассматривал в движении, в развитии. «Бытие живо движением. С одной стороны, жизнь есть не что иное, как движение беспрерывное, не останавливающееся, деятельная борьба и, если хотите, примирение бытия с небытием, и чем упорнее, злее эта борьба, тем ближе они друг к другу, тем выше жизнь развиваемая ими; это белое колесо жизни. Животный организм представляет постоянную борьбу со смертью, которая всякий раз восторжествует; но торжество это опять в пользу определенного бытия, а не небытия»⁵⁵.

Считая борьбу противоположностей источником движения, Герцен прекрасно понимал важность остальных законов диалектики. Так, о законе перехода количества в качество, в последнем письме об изучении природы говорится: «Количественные определения чрезвычайно важны, почти всегда неразрывны с качественными; изменение одних связано с изменением других».

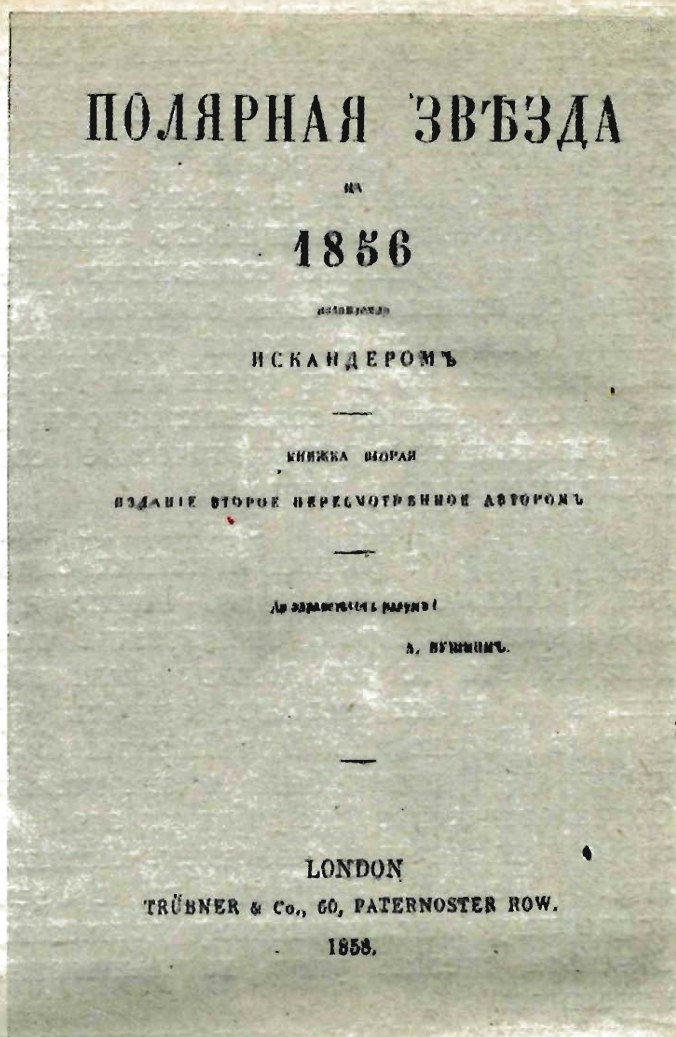
Эти примеры убеждают в том, что, переходя на материалистические позиции, Герцен продолжал оставаться диалектиком. Герцен, действительно, вплотную подошел к диалектическому материализму. Отсюда видно, между прочим, насколько ошибался Плеханов, когда заявлял, что Герцен в «Письмах об изучении природы» оставался «идеалистом чистой воды» и что «диалектика плохо давалась Герцену»⁵⁶.

Заканчивая раскрытие ленинского определения философских взглядов Герцена, мы должны, наконец, отметить революционный характер его мировоззрения в целом. Герцен понял, что диалектика есть «алгебра революции». Из своей философии он делал революционные выводы.

Герцену была ясна органическая связь философии с политикой, он понимал, что деятельность философа находит свое завершение в деятельности революционера. «Человек призван не в одну логику, а еще в мир социально-исторический, нравственно-свободный и положительно-деятельный»⁵⁷. Историческое призвание человека — в его деятельности. Деятельность же Герцен понимает, как просветитель-гуманист и революционер-демократ. Философ должен идти в гущу страданий и борьбы, любви и ненависти, «в мир социально-исторический и нравственно-деятельный», должен использовать свои знания для революционного преобразования действительности.

Перейдем теперь к анализу оценки Лениным герценовского социализма. Ленин, с одной стороны, указывает на связь социалистической теории Герцена с теориями социалистов-утопистов, а с другой стороны, выявляет то своеобразное, что дали Герцен и Чернышевский. В ра-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ВТОРОЙ КНИЖКИ
«ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

боте «Что такое друзья народа» Ленин показывает, что восприятие социалистических идей, которые Франция «разливала по всей Европе» в первой половине XIX в., «давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского»⁵⁸. Являясь мечтателями и утопистами, Герцен, Чернышевский и другие верили «в особый уклад, в общинный строй русской жизни», они верили «в возможность крестьянской социалистической революции»⁵⁹. В этом состояло существо «русского крестьянского социализма».

Несмотря на то, что социализм этот был утопичен, он сочетался у Герцена, а особенно у Чернышевского с революционным демократизмом. Герцен и Чернышевский были идеологами крестьянской революции, в этом их основная заслуга. Действительное существо «социалистической» теории Герцена было мелкобуржуазным, утопическим. «Не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарксовского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном земледелии и в крестьянской идее «права на землю». Свои излюбленные мысли на эту тему он развивал бесчисленное количество раз. На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет ни грама социализма. Это такая же прекраснотушная фраза, такое же доброе мечтание, облекающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получали бы

крестьяне в 1861 году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»⁶⁰. Ленин говорит о том, что теория «русского социализма» Герцена не содержала в себе ни грана социализма. Таким образом, Ленин, как и Маркс, резко отрицательно относился к теории «русского» социализма, как социалистической теории. Но в то время как Маркс и Энгельс делали упор на разоблачении мнимой социалистичности этой теории, Ленин подчеркивал ее революционно-демократическое содержание, облеченное в форму социалистического мечтания.

Почему Маркс и Энгельс, с одной стороны, Ленин, с другой, делали упор на разных моментах одной и той же теории? В 50-х годах прошлого века, когда Маркс и Энгельс давали первую оценку герценовской теории, они прежде всего имели в виду тот резонанс, который эта теория должна была найти в Европе. Как говорит Ленин, в то время «революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе)»⁶¹. Для Европы буржуазно-демократическая революционность Герцена была в значительной степени пройденным этапом. Социалистическая же форма этой революционности представлялась совсем архаическим явлением. Помимо того, теория «русского социализма» Герцена вопреки его субъективным намерениям оказывала поддержку панславистскому движению. Все это вынуждало Маркса и Энгельса сделать упор на выявление слабых сторон герценовской концепции.

Позднее, в 90-х годах прошлого века, когда Энгельсу снова пришлось много внимания уделять Герцену, обстановка партийной борьбы в России требовала основательного выявления несостоятельности теории «русского» социализма. Народники, с которыми марксисты вели упорную борьбу, ухватились за социалистические фразы герценовской теории, изменив ее содержание. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию против основ современного общества, выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ современного общества»⁶². Вполне естественно, что в этих условиях нужно было решительно громить теорию «русского» социализма, показывать всю ее несостоятельность.

Ленину приходилось давать общую оценку роли, сыгранной Герценом в истории освободительного движения в связи с анализом этапов революционного движения в России. Ленин показывает, что Герцен выступил в тот исторический период, когда происходило размежевание между либералами и демократами, когда только еще подготавливалась буржуазно-демократическая революция в России. Буржуазно-демократическая революционность Герцена была единственно возможной формой революционности в России того времени. Можно упрекать Герцена за то, что он не был так последователен в рамках этой революционности, как, например, Чернышевский. Ленин писал, что «Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды, сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы»⁶³. Но что Герцен был революционером-демократом, стоящим на уровне революционных задач

своей эпохи, в этом не может быть сомнения. Форма, в которую он облакал свою революционность, не соответствовала ее содержанию.

Ленин, так же как и Маркс, показывает это несоответствие, вскрывает всю несостоятельность претензий буржуазного революционного демократа на звание социалиста, утверждает, что такой «социализм» неизбежно превращается в «прекраснодушную фразу», «доброе мечтание» и т. д. Но в то же время Ленин показывает, что облачение буржуазно-демократических взглядов в «социалистическую» форму неизбежно на определенных этапах развития революционного движения, показывает, что это облачение не мешало деятелям этой эпохи проводить революционно-демократическую линию.

Таким образом, ленинская оценка теории «русского социализма» не расходится с той оценкой, которую давали этой теории Маркс и Энгельс. Ленин, как и Маркс, основную заслугу Герцена видел не в его «социализме», а в его революционно-демократической деятельности.

В заключение несколько слов о ленинском анализе «духовной драмы» Герцена. На эту тему писали представители самых различных партий и общественных групп, представленных в царской России. Много пошлости наговорили в связи с этим как «рыцари российского либерального языкоблудия», так и махровые реакционеры.

Много изучал Герцена Г. В. Плеханов. Он ближе подошел к решению этой задачи. «Теоретическая драма Герцена, — писал Плеханов, — заключалась в том, что он, чувствуя несостоятельность исторического идеализма, не мог сделаться историческим материалистом»⁶⁴.

Теоретические истоки духовной драмы Герцена Плеханов установил совершенно правильно. Именно остановка перед историческим материализмом вызвала духовный крах Герцена после поражения революции 1848 г. Но подчеркивая теоретические моменты, Плеханов совершенно опустил социально-политические условия, породившие духовную драму Герцена. Всей ее глубины, самого существа герценовского скептицизма Плеханов не понял и до конца разобраться в нем не смог.

Только ленинский анализ в полной мере раскрыл нам подлинную суть этого явления. «Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом буржуазных иллюзий в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела... У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий «надклассового» буржуазного демократизма к суровой непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»⁶⁵.

Вдумаемся в эти замечательные слова. Революционный демократ Герцен попадает в Европу тогда, когда революционность буржуазной демократии уже умирала. События 1848 г. показали, что в Европе отчетливо наметился переход буржуазных демократов к либерализму, — «к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 48 году, который восстанавливал разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и который проклинал, не умея понять его классовой природы, Герцен»⁶⁶.

Герцен должен был разочароваться и разочаровался в революционности буржуазного демократизма. Но Герцен, остановившийся перед историческим материализмом, не мог сразу перейти на позиции пролетарской классовой борьбы, когда еще не созрела революционность рабочего класса. Отсюда глубокий пессимизм и скептицизм Герцена. Но этот скептицизм был для него формой перехода на позиции классовой борьбы социалистического пролетариата.

Ленин пишет: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа. Правда, Герцен повторяет опять и здесь старые буржуазно-демократические фразы, будто социализм должен выступать с «проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину». «Но все же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к Интернационалу, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал «собирать полки» пролетариата, объединять «мир рабочий», «покидающий мир пользующихся без работы»⁶⁷.

Как видим, вопрос о духовной драме Герцена, над которым тщетно ломали голову буржуазные писатели, вопрос, который не сумел разрешить Плеханов, с предельной ясностью и глубиной был разрешен только Лениным.

Внутренние противоречия мировоззрения Герцена отражали противоречивые условия его эпохи. При всех недостатках и всей незавершенности своего материализма Герцен был материалистом в основном вопросе философии; при всех колебаниях между либерализмом и демократизмом Герцен в конечном итоге становился на позиции демократизма. Материалистические взгляды в области философии, революционно-демократические устремления Герцена в области политики росли и крепились на всем протяжении его жизненного пути.

Работы В. И. Ленина выявляют все стороны герценовского мировоззрения, все особенности его общественно-политической деятельности. В статье «Демократия и народничество в Китае» Ленин говорит о «далеком и одиноком предтече» русской буржуазной демократии, «дворянине Герцене»⁶⁸. В статье «О народничестве» Ленин говорит о Герцене, как родоначальнике народничества⁶⁹.

В статье «Памяти Герцена» Ленин подчеркивает революционный демократизм Герцена, значение его для русской революции. «Чествуя Герцена, — пишет Ленин, — пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории»⁷⁰. С исключительной силой эта же мысль выражена в работе Ленина «Что делать»: «Роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский...»⁷¹.

Герцен-дворянин и Герцен-демократ, народник и предшественник русской социал-демократии — в этих ленинских определениях схвачены разные стороны многогранного мировоззрения Герцена. Характеризуя все эти стороны, Ленин показывает, какие из них доминировали у Герцена и обеспечили ему почетное место в ряду предшественников русской революционной социал-демократии.

Сложность герценовского мировоззрения, наличие у Герцена слабых сторон наряду с сильными пытались использовать в своих интересах реакционные классы и партии. Сам Герцен всю жизнь находился в гуще партийной борьбы; после смерти Герцена вокруг его духовного наследия разгорелась ожесточенная борьба различных партий и групп.

Монархисты, питавшие к Герцену при его жизни самую лютую ненависть, всячески клеветавшие на него, после смерти Герцена захотели «подремонтировать» на его авторитете. Они заговорили о «великой индивидуальности», «не нашедшей пути», о «религиозных исканиях Герцена», о его «ненависти к Западу». Золотушные либералы, которые не раз испы-

тывали на себе всю остроту герценовского сарказма, изъявили желание признать Герцена «своим». Народники и эсеры истошно кричали об «истинно русском социалисте» Герцене. Монархисты и либералы, народники и псевдомарксисты — все искажали духовный облик Герцена.

Все величие Герцена, его силу, как и его слабость, сумел оценить только пролетарский революционер Ленин. Он не только правильно оценил роль Герцена в истории революционного движения, не только поставил наследие Герцена на службу социалистической революции, но и отстоял это наследие от посягательств врагов рабочего класса, врагов всех трудящихся.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.
- ² Герцен, т. V, стр. 545.
- ³ Отдельные деятели 40-х годов в ходе своего духовного развития не отобразили всей истории немецкой классической философии; так, например, Белинский последовательно находился под влиянием Шеллинга, Фихте, Гегеля, Фейербаха, но почти не испытал влияния со стороны Канта. Герцен находился под влиянием Шеллинга и Гегеля, но не Канта и Фихте.
- ⁴ Герцен, т. IX, стр. 71.
- ⁵ Герцен, т. X, стр. 246.
- ⁶ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.
- ⁷ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 508.
- ⁸ Герцен, Сочинения, т. V, стр. 524.
- ⁹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 22—23.
- ¹⁰ Там же, стр. 26.
- ¹¹ Герцен, т. V, стр. 244.
- ¹² Там же, стр. 333.
- ¹³ Там же, стр. 303.
- ¹⁴ Герцен, т. III, стр. 110—111.
- ¹⁵ Герцен, т. VI, стр. 450.
- ¹⁶ Герцен, т. III, стр. 118.
- ¹⁷ Герцен, т. VII, стр. 277.
- ¹⁸ Там же, т. VIII, стр. 38.
- ¹⁹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 184.
- ²⁰ Там же, т. XXII, стр. 86.
- ²¹ Там же, т. XVI, ч. II, стр. 396.
- ²² Там же, т. XV, стр. 375.
- ²³ История ВКП(б) под ред. комиссии ЦК ВКП(б), стр. 25—26.
- ²⁴ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 259.
- ²⁵ Там же, т. XVI, ч. II, стр. 391.
- ²⁶ Там же, стр. 392.
- ²⁷ Следует подчеркнуть, что Герцен при жизни не опубликовал эти выпады против Маркса. Соответствующая глава «Былого и дум» была опубликована после его смерти.
- ²⁸ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XIII, ч. I, стр. 366.
- ²⁹ Там же, т. XXVI, стр. 267.
- ³⁰ Там же, XXII, стр. 337.
- ³¹ Там же, стр. 364.
- ³² Там же, стр. 91.
- ³³ Там же, т. XXIII, стр. 134.
- ³⁴ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 341; см. также т. XVI, стр. 575.
- ³⁵ Там же, т. XVI, стр. 575—576.
- ³⁶ Там же, т. XV, стр. 468—469.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же, стр. 466—467.
- ³⁹ Герцен, т. VII, стр. 248—249.
- ⁴⁰ Герцен, т. XXI, стр. 449.
- ⁴¹ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 467.
- ⁴² Герцен, т. VII, стр. 253.
- ⁴³ Там же, стр. 252.
- ⁴⁴ Герцен, т. XI, стр. 194.
- ⁴⁵ Там же, стр. 196.
- ⁴⁶ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 466.
- ⁴⁷ Герцен, т. XI, стр. 366; т. XVIII, стр. 163.

- ⁴⁸ Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 341.
- ⁴⁹ Там же, т. XV, стр. 466.
- ⁵⁰ Там же, стр. 469.
- ⁵¹ Там же, стр. 464—465.
- ⁵² Герцен, т. III, стр. 193—194.
- ⁵³ Там же, стр. 224.
- ⁵⁴ Там же, стр. 207.
- ⁵⁵ Герцен, т. IV, стр. 56.
- ⁵⁶ Плеханов, Собрание сочинений, т. X, стр. 239, 241.
- ⁵⁷ Герцен, т. III, стр. 222.
- ⁵⁸ Ленин, Сочинения, т. I, стр. 164.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же, т. XV, стр. 466.
- ⁶¹ Там же, стр. 465. Подчеркнуто Лениным.
- ⁶² Там же, т. I, стр. 165. Подчеркнуто Лениным.
- ⁶³ Там же, т. XVII, стр. 342.
- ⁶⁴ Плеханов, Собрание сочинений, т. XXIII, стр. 407.
- ⁶⁵ Ленин, Сочинения, т. XV, стр. 465.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же, т. XVI, стр. 26—27. Подчеркнуто мною. — Д. Ч.
- ⁶⁹ Там же, стр. 283; см. также т. XV, стр. 466.
- ⁷⁰ Там же, т. XV, стр. 469.
- ⁷¹ Там же, т. IV, стр. 380—381.